

ВПЕРЕД К ПРОШЛОМУ, ИЛИ ИСТОРИЯ В НАСТОЯЩЕМ

Новое – это хорошо забытое старое?

ШАЦКИЙ И ДОШКОЛЬНОЕ ДЕЛО¹

Л. Шлегер

С.Т. Шацкий рассматривал ребёнка как высшую ценность, а педагогический процесс как «детское царство», где свободно развивается природа ребёнка, а педагог выступает в роли равного друга, товарища.

Система Шацкого состояла из следующих частей:

- 1) Выявление и изучение педагогами опыта ребёнка.*
- 2) Упражнения и навыки.*
- 3) Организованный опыт, создаваемый детским садом.*
- 4) Усвоение новых знаний (в старших группах).*

Педагог детского сада должен стремиться понять ребёнка в контексте его окружения, не вырывая из среды, а постоянно повышая её педагогический потенциал.

С.Т. Шацкий принципиально не давал определённой программы, а также составленных пособий. Он считал, что система должна быть живой, растущей, в которую входит упорная работа человека над собой.

Для подготовки кадров он предлагал создать организацию, которая могла бы помочь педагогу развить навыки наблюдения, быстроту и точность записывания и анализа материала и др.

¹ Из сборника памяти С.Т. Шацкого, 1935

Если считать началом нашего дела, которое возглавлял Шацкий, 1905 год, то весной 1935 года будет 30 лет его существования, без перерывов.

Среди нас есть небольшая группа лиц, которая работала вместе с Шацким все эти 30 лет, на которую он опирался и которая вместе с ним вынесла на своих плечах всё это дело, каким бы гонениям и злоключениям оно ни подвергалось.

Самым большим оптимистом среди нас был Шацкий. Он никогда не опускал рук, твёрдо верил в правоту своего дела и всегда воодушевлял нас и поддерживал в критические моменты.

Он никогда не мог работать один и всегда опирался на коллектив. В письме ко мне из-за границы он пишет: «Я без товарищей работать не могу и их поддержку со всей силой своей, а они пусть меня поддерживают. Мы можем работать много и плодотворно, если интересно и есть возможность».

На этом деле росла и развивалась педагогическая мысль Шацкого, и вместе с ним росли и мы.

Всей эволюции педагогического течения, возглавляемого Шацким, я раскрывать перед вами не буду, эту задачу возьмёт на себя кто-нибудь

другой из товарищей, мне хотелось бы только осветить тот период, ту работу, которая легла в основу его дальнейшего развития, т. е. участие его в работе дошкольной, о которой, я думаю, мало кто знает из новых товарищей.

Такой большой человек как Шацкий растёт постепенно, и интересно проследить все этапы его педагогического пути, какие влияния, какие условия, какие жизненные факты влияли на этот рост.

По его книге «Годы исканий» мы видим, что главная его мысль была направлена на школу и на форму её. В первой части этого интересного дневника он только констатирует отрицательные стороны старой царской школы, но нет ещё ясного определения того, как рисует он себе школу будущего. Во второй части он уже пытается наметить и систему школы, и программу, но эти размышления относятся к позднему времени.

Он знал и чувствовал, что здание царской школы перестроить не так-то просто, особенно в условиях, в которых мы работали, и подходил он к школе окольными путями, со стороны внешкольной работы, которая осуществлялась в работе клубов и дошкольной работе.

Обе эти работы были новыми. На той и на другой мы являлись пионерами и разведчиками.

Когда мы начинали дело, Шацкий был студентом Петровской академии и консерватории, он учился пению, и перед ним были два пути — путь артистической карьеры и путь педагогический, полный терний, неизвестности и безденежья.

Не столкнусь он с нами, он, вероятно, пошёл бы по первому пути. Как он столкнулся с нами? Тут придётся коснуться истории начала дела. Эта история, я думаю, мало кому знакома.

В 1903 году А.У. Зеленко пустился в кругосветное путешествие. Я знала А.У. раньше и во всё время своего путешествия он держал меня в курсе своих путевых впечатлений.

В Англии и Америке он натолкнулся на работу «сетлементов», т. е. культурных посёлков среди некультурного населения, имеющих целью распространение среди этого населения культуры. Литературу по этому вопросу он посылал мне, эта литература положила основание иностранной библиотеки. Он заинтересовал меня этим движением.

С Александром Устиновичем мы условились сделать опыт перенесения этой работы на нашу почву, взяв, конечно, только работу с детьми. Цель была — воспитание в детях чувства общности, коллективизма, ответственности.

Пока А.У. был за границей, здесь нужно было выбрать район, где развернуть наш опыт. Для этого

я взяла работу в попечительстве о бедных. Москва тогда была разделена на районы, и так как попечительство давало открытые листы для обследования семей, то я могла под его флагом изучать районы.

За 1903 и 1904 гг. я поработала почти во всех районах, описывая их А.У. Мы остановились на Сущевско-Мариинском, как на более отсталом в культурном отношении и в котором были заводы и небольшие фабрики.

Вернувшись из своего путешествия, А.У. вошёл также в работу попечительства, начал пропаганду своих идей и вербовку людей. Он обладал очень ценным даром пропагандиста и умением выбирать и зажигать людей. Почти весь коллектив работников был собран им. Случайно он встретился с Шацким и, конечно, начал развивать ему свои идеи. А.У. ввёл его в мой дом.

Передо мной предстал скромный молодой студент с курчавой головой, глубоко сидящими живыми глазами, открытым прямым взглядом. Эта голова сразу производила впечатление незаурядности. Предупреждённая А.У. о том, что важно завербовать этого юношу, и зная, что А.У. редко ошибается в оценке людей, я считала весьма важным заставить Шацкого почувствовать себя хорошо и свободно в моей семье. Это удалось, и до конца жизни он сохранил это отношение.

Шацкий приводит в своей книге «Дети — работники будущего» один разговор свой с Зеленко, когда он пришёл к нему с решением прикнуть к нашей затее.

Я раскрыла Шацкому перспективы нашей работы, и так как литература была у меня в руках, многое ему переводила, разъясняла. Указала, что мы хотим взять из этого движения работу с детьми — организацию детских клубов и внешкольной работы, а начать с колонии.

Дело это новое, идущее вразрез со школьной организацией и подрывающее её, — по головке нас за это гладить не станут, нас могут ожидать преследования и крах, карьеру на нём не сделаем, денег у нас нет, заработка на этой работе не предвидится.

Между тем перед Шацким была карьера артистическая.

Я советовала ему серьёзно всё взвесить, подумать, разобраться и тогда решить — пойдёт ли он своим путём или прикнёт к нам. Через три дня он пришёл и твёрдо заявил, что пойдёт с нами. «Это было в 1905 г. Жадное стремление к свободе и к свежему делу были ко времени», — говорит Шацкий дальше.

Таким образом, нас стало трое. Мы с Шацким занялись подготовкой колонии в Щёлкове, где мы получили в своё распоряжение дачу с усадьбой, а А.У. занялся раздобыванием

каких-нибудь средств для осуществления этой колонии. Она была начата весной 1905 года. О работе там я говорить не буду, она описана в книжке «Дети — работники будущего». Главную педагогическую, воспитательную работу там вёл Шацкий. Я мало могла принимать участие в ней, тогда учила их всяким хозяйственным делам — как варить щи, как мыть мясо, снабжала их продуктами и т.д. и в городе искала помещение для будущей работы.

В августе 1905 года мы сняли домик в Тихвинском переулке и там организовали клуб для детей-школьников. Начали мы клубную работу с 4-мя ребятами, которые остались у нас после колонии. Всех приютских детей нам не дали, заведующий приютом не согласился с нашими воспитательными принципами и заявил, что мы испортили ребят — нет наказаний, нет у детей страха. «Я каждое воскресенье порю их, чтобы впредь не повадно было, а вы их по головке гладите, страх уничтожаете и мне дело портите».

Эти четыре мальчика были основателями клубов, каждый из них собирал своих товарищей, и к концу года у нас уже было 150 человек — и девочек, и мальчиков. Все ребята были ученики городских школ.

Семьи относились к нам подозрительно, а ребята тянулись к нам. Кроме детей, к нам начали примы-

кать и новые работники, и, таким образом, образовался целый кружок.

Почему удалось А.У. собрать этот кружок работников? Среди нас не было обеспеченных людей. Все жили своим трудом. Эта работа не оплачивалась, и мы могли уделять ей только свой досуг. Но все работали с большим подъёмом и интересом.

Тут не нужно забывать, что это был 1905 год. Вся интеллигенция всколыхнулась, все чувствовали недовольство всем существующим строем. Чувствовали, что это только начало движения, и каждому хотелось по мере своих сил и умений участвовать в нём. Подняты были все вопросы, и среди них немалую роль играли вопросы школы и воспитания, и пропаганда А.У. новых путей нашла благоприятную почву. Примыкали к нему лица, которые так или иначе соприкасались с вопросом воспитания и интересовались им, а мысли А.У. открывали широкие и заманчивые перспективы. Интересно то, что среди нас не было людей педагогов-профессионалов, а все были «свежими», без педагогических традиций.

Мы начали работу клубов. Сначала поставили ребят в определённую форму организации. Форма этой организации была дана детям готовая, придуманная взрослыми с председателями, секретарями, собраниями членов клуба и т.д. Цель

была: организация детей и развитие общественности, коллективности. Проработав в клубах месяца два, столкнулись с тем, что мы не знаем особенностей детской психики; я предложила, сговорившись с А.У., начать работу с более раннего возраста, пока влияние улицы не пустило ещё таких глубоких корней, и там искать разгадки многих явлений в жизни детей. С нами согласились и для налаживания этой работы выделили трёх лиц: меня, Азаревич и Останину.

Наши товарищи, которые работали с клубами, так были захвачены своей работой, что на нас вначале обращали мало внимания.

Мы призывали их обратить внимание на нашу работу, мы чувствовали, что принципы детсада и работы клубов должны быть одни. Как тут, так и там нужно приглядываться, изучать ребят, исходить из знания ребёнка.

У нас почва под ногами крепла, у них ускользала, и они приходили к разочарованию.

В своём докладе от 17 ноября 1917 года в клубной комиссии при Союзе общества попечения о детях Шацкий так говорит об этом: «В этом же году возникло учреждение для маленьких детей — детский сад, где работали трое из наших товарищей. Мы все этим не интересовались и не знали, что они там делают. Они между тем испытали сложные

переживания: начали проводить систему Фребеля, а потом отказались от неё, видоизменили и начали искать свои пути. Мы же по-прежнему старались развивать в детях общечеловечность».

Мы очень чувствовали отсутствие помощи и поддержки. В 1908 г. после трёхлетней работы произошла катастрофа: «Сетлемент» был закрыт, как гнездо революции. А.У. уехал опять в Америку. Но коллектив не распался. Мы выработали новый устав, изменили название общества в «Детский труд и отдых» и предложили Шацкому стать во главе нового общества. Он согласился попробовать и с тех пор возглавлял его.

Почему мы предложили это Шацкому?

Прежде всего, он был вместе с Зеленко основателем этой работы.

В процессе работы он завоевал симпатии и доверие всего коллектива. Мы все чувствовали незаурядность его личности, его силу, веру в дело. Со всеми недоразумениями все всегда обращались к Шацкому.

Все чувствовали за Шацким практический опыт и большое увлечение делом.

Всё это заставило нас предложить ему стать во главе дела, мы взяли его поддерживать, что мы и делали до последнего момента.

Когда «Сетлемент» был закрыт, у нас появился досуг, дававший нам

возможность оглянуться назад, пересмотреть проделанную работу. Описывая все неудачи, недоразумения и сомнения, возникавшие в клубной работе, Шацкий говорит: «В то время как у нас шла анархическая работа, в детском саду шёл серьёзный, обдуманый эксперимент. Детский сад указал нам правильный путь — приглядываться к детям, наблюдать за детской деятельностью и интересами, изучать среду ребёнка и устроить опытную станцию на основе опыта, дававшегося нам в руки. Эти идеи легли в основу жизни трудовой колонии. Таким образом, детское общество не устраивается по рецепту. Детей ставят в условия житейской необходимости и за ними наблюдают».

Детский сад, как говорил Шацкий, прошёл за это время через «сложные переживания».

В чём заключались эти переживания, к каким выводам пришёл детский сад и почему Шацкий заинтересовался его работой?

Все три лица, выделенных на эту работу, были совершенно не подготовлены к ней, брались за неё впервые.

Из нашей клубной работы мы вынесли определённое впечатление, что мы детей не знаем, и прежде всего должны их узнать, поэтому история нашего дошкольного дела представляет из себя историю изучения

ребёнка и историю нашего собственного педагогического роста.

У нас было одно важное преимущество — знание языков.

Не получая откликов и советов от наших товарищей, мы могли быть в курсе педагогических работ Западной Европы и Америки, что в дальнейшем нам много дало и для нашего школьного дела, к которому мы приступили в 1907 году. Но Шацкий в то время не подходил к школе.

В то время вопрос о дошкольном воспитании у нас не вставал. Министерство народного просвещения не интересовалось этим делом. Оно даже не представляло себе этой организации. Когда для ревизии нашего дела к нам в детсад явились представители округа, то они задали вопрос: «А где же сад?»

Поэтому детсад являлся единственным учреждением свободным, где можно было экспериментировать как угодно.

Такое положение детсада было не только у нас, но везде.

Школу нельзя было трогать, но недовольство ею чувствовалось всюду. И общество, и государство всегда предъявляли свои требования к школе, и всегда школа была под их бдительным контролем и строилась согласно их требованиям.

Детсад же был учреждением более свободным, так как этот возраст считался ещё неподходящим

для подготовки к жизни, и поэтому не опасным.

Благодаря этому ни в каких педагогических учреждениях не велась такая свободная, живая работа, как в детсадах, и, в конце концов, детсад явился лабораторией всех новейших педагогических идей, стремящихся к правильной постановке всего дела воспитания, нуждающихся в изучении и проверке. Проверенные выводы должны были влиять на реформу школы и на подтачивание здания старой школы.

Постепенно люди приходили к сознанию, что фундаментом школы является знание и изучение ребёнка ещё в дошкольном возрасте, когда идёт самая усиленная работа ребёнка по приспособлению к окружающей его жизни и среде и в силу необходимости заставляет его быть исследователем.

Я не хочу сказать, что детсад натолкнул Шацкого на те педагогические мысли, которые он впоследствии высказывал и проводил в жизнь, но детсад дал ему возможность проверять их и утверждаться в их правильности или неправильности.

Шацкий принадлежал к тому типу людей, которые не воспринимают голую теорию и голую практику; у него всегда теория должна была подкрепляться практикой, а практика теорией. Он всегда высказывал теоретические положения, которые

он проверил практикой. Этим он завоевал большое доверие людей, они всегда чувствовали за его теоретическими выкладками большой практический опыт.

После закрытия «Сетлемент», когда А.У. опять уехал в Америку, Шацкий оглянулся на проделанную работу и признал, что работа была неудачна. Об этом он пишет в письме к Устинычу: «Ты прав относительно клубов. Там неудача, но в деле есть хорошие и свежие ноты, которых изучать другим не вредно. Детсад уже начал печатать свою работу, свои материалы, такие простые, бесхитростные. Но сколько в них свежести и глубины. Разве к ним не надо внимательно приглядеться? Разве я видел здесь (за границей) такие работы, такое отношение к ним? Разве не разевали рты здесь на это господа профессора?»

Ему пришлось обратить внимание на работу детсада. Детсад за это время проделал большую работу: мы положили в основу работы изучение ребёнка и мысль, высказанную Фребелем: «Дайте в руки ребёнка разнообразный материал, наблюдайте его и вы этим разрешите много педагогических воспитательных проблем». Но какой материал? Кроме материала Фребеля у нас никакого не было.

Мы ничего не знали, учиться было не у кого, и сознание этого возбуждало в нас стремление к знанию,

а для этого было одно средство — наблюдение детей. Это наблюдение привело нас к выводу, что материал Фребеля требует пересмотра, так как он оказался чуждым и непонятным ребёнку той среды, с которой мы работали, и сам ребёнок нам на нём не выяснился.

И тут мы проделали ту большую работу, последствия которой имели громадное значение для постановки организации детсада вообще, и по настоящее время этот материал является основным в детсадах.

Правоверные фребельянцы возмущались, что мы взяли на себя смелость критиковать Фребеля. Мы же были свободны от предвзятости и шли своим путём. Мы определённо перешли на путь наблюдения и искания и к работе опытного характера.

Мы просмотрели фребелевский материал с точки зрения: 1) пригодности его для здоровья, 2) педагогической, 3) психологической, художественной, эмоциональной, 4) социальной и нашли, что они с одной стороны не выдерживают критики. Но, отбросив материалы Фребеля, которые нам не раскрывали ребёнка, а нивелировали его, которые не являлись языком ребёнка, мы остались без материалов и должны были искать их.

Материал должен был отвечать следующим нашим требованиям:

1) Он должен быть жизненным, а не искусственным.

2) Должен давать широкую возможность детской активности и творчеству детей, а не ограничивать ребёнка.

3) Он должен быть понятен детям, разнообразен и способствовать развитию жизнедеятельности ребёнка и его органов.

4) Должен давать толчки детской мысли.

Всем этим требованиям отвечал материал, который был вокруг ребёнка и на который указывали сами дети: песок, глина, дерево, бросовый материал.

Результаты применения этого материала мы отразили в наших первых книжках, о которых говорит Шацкий и которые открыли ему двери всех школ за границей, о чём он говорит в своих письмах, требуя постоянной присылки их.

Борьба за этот материал была большая. Мы вступили в конфликт с художниками, которые работали с нами, с врачами, с педагогами. Мы должны были под наши практические выводы подвести научное обоснование. Должны были сами изучать этот материал, его возможности, пропустить его через себя (как мы говорили тогда), должны были снова учиться: проходить анатомию, физиологию, психологию детства. Всем этим увлёкся Шацкий и работал с нами.

Эту мысль — пропускание материала через себя, анализ материала, теоретическое обоснование его — он положил в основу подготовки дошкольных и школьных работников.

Многие из его методических положений или вытекали из нашей дошкольной работы, или проверялись ею:

1) индивидуальный подход к ребёнку;

2) изучение ребёнка;

3) возрастные особенности;

4) труд в основе организации детской жизни, воспитательное значение его;

5) большое значение руководителя и роль его.

Ни мы, ни Шацкий никогда не стояли на точке зрения свободного воспитания. Представители этого направления считали ребёнка существом чистым, нетронутым, и каждое его свободное проявление — правильным, не допускающим вмешательства взрослого, и часто эта свобода превращалась в произвол, т. е. «делай, что хочешь, никаких обязательств, никакой ответственности, никакого ограничения».

Шацкий заинтересовался этим новым движением уже потому, что оно резко противопоставляло свои принципы свободы отсутствию малейшей свободы ребёнка в старой школе. Чтобы изучить это движение и проверить на практике, Шацкий

пошёл работать в открывшийся тогда «Дом свободного ребёнка» и очень скоро убедился в неправильности и необоснованности этих идей.

И мы с Шацким брали ребёнка со всеми наслоениями среды и наследственности и допускали свободное его проявление для изучения всех этих наслоений, чтобы знать, с чем бороться, что укреплять и развивать. Шацкий требовал свободы творчества, личного опыта и исследования ребёнка под наблюдением педагога с его помощью и при его воспитательном воздействии. Педагогу он всегда отводил решающее место. Некоторые товарищи подхватили это слово «свобода», откинув всё остальное, и провозгласили нас приверженцами «свободного воспитания». Это недоразумение существует и до сих пор, по крайней мере, по отношению ко мне.

Шацкий с большим вниманием и серьёзностью подходил к каждому проявлению самостоятельной детской мысли, анализировал и задумывался над каждым явлением. В то время он часто бывал в детсаду и присматривался.

Появление Шацкого было праздником для ребят. Крупная фигура Шацкого, облепленная малышами, напоминала Гулливера среди лилипутов.

Тогда ещё он увлекался идеей исследования детского мышления

и детской науки. Он сам присматривался к каждому факту, и мы собирали ему записи и зарисовки.

Однажды, будучи в детсаду, он остановился в дверях умывальной, где мальчики промывали песок для аквариума под краном. Присмотревшись к тому, как они это делали, он авторитетным тоном взрослого, заявил им: «Вы не так делаете, можно скорее, вот так».

Ребята посмотрели на него, а один из них заявил: «А ты почём знаешь, что нам надо скорей?» — и продолжали своё дело по-своему.

Обращаясь ко мне, он сказал: «Да, зачем я вмешался, нужно бы проследить до конца. Почём мы знаем, что им нужно и какой опыт они ставят».

В другой раз он наблюдал, как мальчик строил из кубиков башню. Другой стоял рядом и утверждал, что башня упадёт. Они спорили. Второй обратился к Шацкому за подтверждением. Шацкий присоединился к его мнению без всяких объяснений. Башня упала. Первый был сконфужен. Но, подумав, он заявил: «А теперь я вам покажу, что башня не упадёт, а будет ещё выше». Он сделал из кубиков широкое основание, начал опять строить, постепенно суживая. Башня не падала, и он с торжеством обратился к Шацкому: «Что, упала?»

Ребята играют со строительным материалом, они кладут длинный

брус на подставку, кладут цилиндры Монтессори на концы и ищут равновесия.

В работе с деревом один делится своим опытом с другим, советуя брать такой гвоздь, а не иной — «этот легче вбить». При пилке ребёнок берёт сначала пилу мелкозубую, а продолжает крупнозубой, объясняя: «это потом скорее». Мы не требовали от детей словесных выводов и объяснений, и Шацкий считал это правильным. В этом возрасте он считал важным накопление личного опыта, не получение знаний, а воспитание мышления.

Шацкий с большим интересом собирал эти отдельные факты детских размышлений. В этом возрасте происходит накопление материала впечатлений, ощущений, образов, а для этого требуется развитие и правильное функционирование всего воспринимающего аппарата: органов внешних чувств, моторики, координации. Школа должна использовать этот накопленный материал. Поэтому он всегда стоял за связь детсада со школой. Во всех его выступлениях по дошкольным вопросам это проходит красной нитью. Он участвует во всех проводившихся нами курсах по подготовке руководителей, увлекается широким размахом дошкольной работы, сам участвует в этом, постоянно упрекая и осуждая меня за широкий

размах, который от меня требовала жизнь. Шацкий наблюдал занятия детей и видел подтверждение своей мысли о том, что труд посильный, интересный организует детей, что вопрос о внешней дисциплине отпадает, если в руках детей разнообразный материал в достаточном количестве, и что труд детей неотделим от игры.

В то время он не подходил ещё вплотную к школе, хотя она была у нас уже с 1907 года, но мысль о ней его, конечно, не покидала, и все свои наблюдения он переводил на неё.

Интерес к дошкольной работе и школьной шли рядом.

В 1913/14 году во время своего пребывания в Западной Европе он делится со мной своими наблюдениями за той и другой работой.

Я приведу несколько выдержек из его писем:

«Из разговора с Кершенштейнером: про наши работы он сказал, что это и он делает в детсаду (в чём я сомневаюсь). Он того мнения про творчество, что его надо поощрять до 8-ми лет и давать свободно развиваться, а после 8-ми давать приёмы, вводить в русло, обучать технике, упорядочить направление силы. Я промолчал на это, времени было мало, чтобы спорить.

Уже был в детсаду, смотрел работы. Мало свободных, а все с модели или с рук. Две комнаты

на 50 чел. — 25 занимаются, а 25 играют или ноют. Оборудовано очень удобно. На стенах картины, хотя детских нет. Дети от 3-х до 6-ти лет».

«Мюнхен. Вы знаете атмосферу немецкой школы, которая и в лучших образцах ужасно любит командовать и это командирство прирождённое, стихийное, исходящее из тайного опасения за свой бронированный кулак, за свой милитаризм, стоящий таких денег. Эта тишина, хождение чуть не на цыпочках, стройные ряды спин или поднятых рук в классе заставляют чутко отзываться на проблески другого. И представьте, что вдруг в этом саду застал шум и возню и внешний беспорядок. Как это было мило. Многие дети, поставив лавки одним краем на столы, рядом скатывались на своих средствах вниз, а учительница ходит, и ничего... Стены в орнаментах из разноцветных кружочков, очень весело. Предметы сделаны аккуратнее наших, ибо все части уже готовы, палочки, дощечки нарезаны, оструганы и напилены... Сегодня пошёл в школу. Опять-таки книжки и фотографии оказали свою службу».

«Цюрих. Детский сад с тремя отделениями. Обставлен пособиями богато. Работы, конечно, не наши, но целесообразны, иначе при таком количестве нельзя (39 чел. на одну руководительницу). Но вот что облегчает им работу: посади малыша,

он и будет сидеть, почти не шелохнувшись... Нового нет. Приходят от 9–12 и от 2–4... Народная школа начинается здесь с детсада. Царит фребелизм с приготовленными полосками, кружочками, формами, но удивительно здоровы, веселы и непринуждённые дети. При мне сначала играли на улице — в переулочке, после расселись по стульчикам у стены. Приказ: «руки за спину!», и стали играть, иллюстрируя осень; тут был перелёт птиц, изображение, как падает снег». Такая милая, простая дрессировка, подчёркивает Шацкий. «Вышлите книги, ради Бога, здесь понятия не имеют о такой работе. Вообразите: в детсадах нет глины!..»

Первая практически деловая связь с НКП была в области дошкольного дела. Первое его выступление было на первом Всероссийском дошкольном съезде в 1919 году, где он излагал свои мысли по подготовке кадров. Представители Ленинграда формулировали высказанные нами положения так:

Принципы работы московских педагогов-дошкольников

«Кружок московских педагогов, группирующийся вокруг С.Т. Шацкого и Л.К. Шлегера, работает в определённом направлении, основные тенденции которого, судя по

Вперёд к прошлому

докладам на съездах по дошкольному воспитанию, могут быть сформулированы следующим образом:

1) Воспитание имеет своей задачей организацию детской жизни. Детское сообщество, сообщество растущих, живёт по своим особым законам, и жизнь его, как и жизнь отдельного индивидуума, должна быть организована.

2) Организация детской жизни должна создать такие условия, при которых могли бы наилучшим образом развиваться и развёртываться все заложенные в нём силы и способности, получая должное применение и направление.

3) Педагог может брать на себя смелость создавать для ребёнка подходящую среду, лишь основываясь на научных данных о ребёнке. Наблюдения и исследования показывают, что некоторые черты свойственны всем нормальным детям:

а) здоровый ребёнок активен и подвижен, его мускулы требуют упражнения, и эту возможность ему надо дать;

б) детям присуща потребность делать вещи, т.е. облекать свои мысли и впечатления в конкретную форму; им должен быть предоставлен материал для творческой деятельности;

в) стихия ребёнка – игра, это изображение его внутреннего мира; обстановка должна

способствовать свободной творческой игре ребёнка;

г) ребёнок по природе – исследователь, и этому его инстинкту надо давать развиваться и упражняться;

д) ребёнку присуща подражательность, являющаяся основой преемственности всего накопленного человечеством; обстановка должна достаточно обогащать ребёнка впечатлениями, чтобы он от подражания переходил к свободному творчеству.

4) Отправляясь от этих основных свойств ребёнка, мы в состоянии организовать его жизнь на основе следующих элементов:

а) физическое развитие и физический труд;

б) игры,

в) искусство,

г) умственная жизнь,

д) социальная жизнь.

5) Методика педагогической работы с дошкольным возрастом складывается из таких элементов:

а) использование личного опыта ребёнка, который он приносит с собой в детский сад;

б) упражнение навыков по всем элементам жизни;

в) доставление организованного опыта в стенах сада, в противовес неорганизованному опыту жизни;

г) давание новых знаний.

6) Роль педагога при такой организации дела должна заключаться в следующем:

а) наблюдение над детьми;

б) соби́рание материала (дневники, характеристики, детские работы и т.д.);

в) исследование факторов, влияющих на детскую жизнь, среды, из которой пришёл ребёнок;

г) активное участие в жизни детского коллектива в целях содействия её организации.

7) Ни раз навсегда установленного дидактического материала, ни готовых программ занятий быть не должно. Подготовка педагога должна помочь ему овладеть всеми теми материалами и орудиями, при помощи которых ребёнок проявляет своё творчество.

8) Работа дошкольных учреждений должна быть неразрывно связана с научными центрами. В результате массового опыта учреждений научные центры должны получать обильный материал, разработка которого создаст новую науку о детской коллективной жизни и её законах, о влиянии на неё социально-экономических факторов. Реальная педагогическая работа должна быть как можно теснее связана с жизнью».

Из этого ясно, как глубоко Шацкий проникал в сущность дошкольного дела и его принципы; он подчёркивал главным образом его

воспитательную роль, роль в этом отношении материала, который даётся в руки детей, организующую роль детского труда, роль среды. Из всего этого вытекала необходимость изучения этой среды и повышение культуры её через ребёнка.

Тут же вы видите, что первая программа Шацкого, которую прорабатывали калужские школы, по деятельности берёт своё начало отсюда. Интерес к дошкольной работе объяснялся, конечно, его постоянной мыслью о школе и искании путей её реформы.

В 1914 году во время его пребывания за границей он ищет этих путей там, и письма его полны вопросами о трудовой школе, разрешения которых он там не находит, и в это же время изучает дошкольную работу.

В этом же году, по возвращении из-за границы, во время войны, нам дали средства организовать помощь беднейшим семьям. Шацкий по этому делу столкнулся с Кл. Вас. Полтавской, бывшей тогда учительницей одной из школ нашего района и стоявшей во главе районной организации помощи. Сошлись два педагога. Шацкий сразу завоевал симпатию Кл. Вас, и она просила его посетить её школу. Кл. Вас. постепенно втягивает его в учительскую среду. Он посещает их собрания и завоёвывает среди них всё большую и большую популярность. С этого момента

начал он переносить весь свой запас мыслей по воспитательной и педагогической работе, который он собрал и проверил за время своей дошкольной работы, на школу и уже проверяет их среди учительства.

Вплотную же к школе он подошёл уже после революции с утверждением опытной станции, с развёртыванием работы в Калужском отделе и присоединением к опытной станции нашей городской школы в 1919 г.

Вспоминая Шацкого, считая его и впредь руководителем и вдохновителем нашей работы, я хотела бы обратить внимание товарищей на ту работу Шацкого, которую он проделал, изучая и вникая в дошкольную работу, как он рос на этой работе и как он сумел воспользоваться этим опытом для строительства новой советской школы.

Мы все, работающие сейчас по школе и разбирающие плюсы и минусы её, должны видеть, что она строилась на выдвигаемых Шацким принципах дошкольной работы: индивидуальный подход к ребёнку, изучение ребёнка, учёт возрастных особенностей, учёт среды ребёнка.

И сейчас, рассматривая работу ученика и учителя, воспитательную работу всей школы в целом, мы анализируем её с тех точек зрения, которые Шацкий ставил во главу угла, беря школу не как место

только обучения, но главным образом как место воспитания, связывая его с обучением. Возьмите вопрос о возрастных особенностях детей, который имеет такое важное значение для проработки программы, задумываемся ли мы все над этим вопросом, анализируем ли мы работу учителя с этой стороны, знаем ли мы эти особенности? И работаем ли над выяснением их? Дошкольные работники правильно подходили к детям, изучая и физиологические, и биологические, и психические особенности каждого возраста, и строили на этом работу. У школьных работников, которые выдвигают сейчас этот вопрос, этой работы пока нет, нет даже оглядки на неё, а Шацкий этого требовал.

Шацкий не смотрел на детский сад сверху вниз, как это делают некоторые школьные работники, внимательно изучал принципы его построения и считал, по своему личному опыту, необходимым каждому школьному работнику быть знакомым с ними. Взяв всё, что можно было взять и, перенеся свою деятельность на школу, он постепенно отходил от непосредственной дошкольной работы, не прерывая связи с ней и оглядываясь на неё, что доказывает его участие в пересмотре и составлении дошкольной программы последнего времени.